

С ФЕВРАЛЯ ПО АПРЕЛЬ (1969—1970)

1

Морозный вечер.
Мосты в тумане. Жительницы грота
на кровле Биржи клацают зубами.
Бесчеловечен,
верней, безлюден перекресток. Рота
матросов с фонарем идет из бани.

В глубинах ростра —
вороний кашель. Голые деревья,
как легкие на школьной диаграмме.
Вороньи гнезда
чернеют в них кавернами. Отрепья
швыряет в небо газовое пламя.

Река — как блузка,
на фонари расстегнутая. Садик
дворцовый пуст. Над статуями кровель
курится люстра
луны, в чьем свете император-всадник
свой высеребрил изморозью профиль.

И барку возле
одним окном горящего Сената
тяжелым льдом в норд-ост перекосило.
Дворцы промерзли,
и ждет весны в ночи их колоннада,
как ждут плоты на Ладоге буксира.

2

В пустом, закрытом на просушку парке
старуха в окружении овчарки —
в том смысле, что она дает круги
вокруг старухи — вяжет красный свитер,

и налетевший на деревья ветер,
терзая волосы, щадит мозги.

Мальчишка, превращающий в рулады
посредством палки кружево ограды,
бежит из школы, и пунцовый шар
садится в деревянную корзину,
распластывая тени по газону;
и тени ликвидируют пожар.

В проулке тихо, как в пустом пенале.
Остатки льда, плывущие в канале,
для мелкой рыбы — те же облака,
но как бы опрокинутые навзничь.
Над ними мост, как неподвижный Гринвич;
и колокол гудит издалека.

Из всех щедрот, что выделила бездна,
лишь зренье тебе служит безвозмездно,
и счастлив ты, и, несмотря ни на
что, жив еще. А нынешней весной
так мало птиц, что вносишь в записную
их адреса, и в святцы — имена.

3

Шиповник в апреле

Шиповник каждую весну
пытается припомнить точно
свой прежний вид:
свою окраску, кривизну
изогнутых ветвей — и то, что
их там кривит.

В ограде сада поутру,
в чугунных обнаружив прутьях
источник зла,
он суетится на ветру,
он утверждает, что не будь их,
проник бы за.

Он корни запустил в свои
же листья, адово исчадь,
храм на крови.
Не воскрешение, но и
не непорочное зачатъ,
не плод любви.

Стремясь предохранить мундир,
вернее — будущую зелень,
бутоны, тень,
он как бы проверяет мир;
но самый мир недостоверен
в столь хмурый день.

Безлиственный, сухой, нагой,
он мечется в ограде, тыча
иглой в металл
копья чугунного — другой
апрель не дал ему добычи
и март не дал.

И все ж умение куста
свой прах преобразить в горнило,
загнать в нутро
способно разомкнуть уста
любые. Отыскать чернила.
И взять перо.

4

В эту зиму с ума
я опять не сошел, а зима
глядь и кончилась. Шум ледохода
и зеленый покров
различаю — и значит здоров.
С новым временем года
поздравляю себя
и, зрачок о Фонтанку слепя,
я дроблю себя на сто.
Пятерней по лицу
провожу — и в мозгу, как в лесу,
оседание наста.

Дотянув до седин,
я смотрю, как буксир среди льдин
пробирается к устью. Не ниже
поминания зла
превращенье бумаги в козла
отпущенья обид. Извини же
за возвышенный слог;
не кончается время тревог,
но кончаются зимы.
В этом — суть перемен,
в толчее, в перебранке Камен
на пиру Мнемозины.

апрель 1969

5

Фонтан памяти героев обороны полуострова Ханко

Здесь должен бить фонтан, но он не бьет.
Однако сырость северная наша
освобождает власти от забот,
и жажды не испытывает чаша.

Нормальный дождь, обещанный в четверг,
надежней ржавых труб водопровода.
Что позабудет сделать человек,
то наверстает за него природа.

И вы, герои Ханко, ничего
не потеряли: метеопрогнозы
твердят о постоянстве H₂O,
затмившем человеческие слезы.

1969—1970